

ЛОКАРМЕН

РАСКРЫЗЪ

Лазарь Кармен

Сорочка угольщика

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

**Лазарь Кармен
Сорочка угольщика**

Был седьмой час утра.

Залмановский приют, что против обжорки, давно опустел.

Сносчики, элеваторщики, лесники, бакалейщики и полежалыщики давно покинули уже приют и расползлись по всем щелям порта.

А Степан-угольщик и не думал оставлять приюта.

Встав час назад, он присел на матраце, обхватив обеими волосатыми руками свои колени, зарыл в них свою всклокоченную голову и проводил мутными глазами ночлежников.

Проводив их, Степан перевел глаза на приютского сторожа.

Тот, мягко ступая по липкому асфальту пола необутыми ногами, подбирал матрацы, складывал их вдвое и тесно развешивал на протянутой во всю длину палаты веревке.

Сторож после принес ведро воды, швабру и, подкатав до щиколоток брюки, развел на полу шваброй лужу.

Степан не спускал с него глаз. Мрачно насупившись, он следил за каждым взмахом его

швабры и грязными ручейками, бегавшими по всей палате.

Степан повернулся потом к окну.

В закрытое и покосившееся окно печально глядела осень. Мелькал, барабаня в стекла, дождь, и проносились темные клочковатые тучи.

Сыро, грязно и скучно было в порту. И Степан отвернулся.

Он по-прежнему обхватил колени руками и зарыл в них голову.

Постороннему могло бы показаться, что Степан в данный момент занят какой-нибудь думой, навеянной осенью, и что эта дума, как червь, сосет и гложет его.

Но он ошибся бы. Степан ровно ни о чем не думал, хотя низкий лоб у него то и дело морщился.

Да ему и думать-то было не о чем. Все им было давно передумано.

В свое время бесконечно длинными зимними и осенними вечерами он думал о тех милых близких, которых он бросил, о возвращении к ним, о новой совместной с ними жизни, он думал и мечтал о работе на пользу

страждущего ближнего, о торжестве добра и правды.

Он думал обо всем этом в продолжение двадцати лет пребывания своего в карантине, пока мозг у него наконец устал думать.

И Степан постепенно забыл о своих близких, о возвращении к ним, о совместной с ними жизни и несбыточном торжестве добра и правды.

Карантинная грязь, «сливки от бешеной коровы» (водка), проклятая угольная пыль, проклятые «штифты» (паразиты), пьющие запоем «дикарскую» кровь, ужасы зимней безработицы и общество «дикарей» без веры, без почвы под ногами, без надежды на светлое будущее, общество людей, потерявших человеческий облик, их горячечный бред ночью и пессимизм, доходящий до всеотрицания, до отрицания красоты, счастья и цели в жизни, вытравили из мозга и сердца Степана все, все без исключения.

И из человека, некогда мыслившего, получилось ходячее олицетворение апатии, ходячий отброс, ходячие лохмотья, из которых высовывались страшная, обросшая голова с мут-

ным, безжизненным взглядом и грязные конечности, существо, прячущееся днем в пыльных и глубоких, как колодец, трюмах, а вечером в обжорке и в самых отдаленных уголках приюта.

Степан апатично работал, апатично ел, пил, апатично подставлял свою спину под резину стражника, апатично глядел, как портовый «кадык»[1] выворачивал у него карманы и стаскивал с него теплушки.

Степан мог бы просидеть теперь на матраце, не изменяя своей позы, до вечера, если бы сторож не добрался к нему со шваброй и не крикнул:

– Чего матрац греешь?! Ступай! Ишь, расселся!

Степан медленно поднял голову.

– Чучело! – фыркнул ему в лицо сторож.

– Кто чучело? – равнодушно спросил Степан.

– Ты!

– Правда! – согласился Степан и чуть заметно ухмыльнулся.

– А еще дворянин, – покачал головой сторож, – образованный! Тьфу, срам какой! По-

глядел бы ты на себя в зеркало. Не то что на чучело – на зверя похож. Ишь, волосища-то, патлы у тебя какие! Сам ты оборвался. Весь в ключьях, точно покусали тебя собаки. Необутый. Грудь и шея голые. Сорочки у тебя нетути; вместо нее одни подкандалники. Как у каторжана!

Степан слушал, и лицо у него менялось.

Когда сторож заговорил о подкандалниках, то Степан машинально потянулся к шее и сорвал с нее черный ошейник. Это был уцелевший воротник – остаток некогда бывшей на нем сорочки.

Он сорвал потом с обеих рук два таких же черных подкандалника – манжеты, тоже остатки сорочки, положил их на колени и стал мрачно созерцать их.

– Небось годика два назад одел сорочку, – сказал сторож.

– Два с половиной! – насупился Степан.

– Ну вот! – обозлился сторож. – А кто виноват, что у тебя нет сорочки?!

– Кто?! – грубо оборвал его Степан.

– Знамо, не я, а ты. Потому, что заработаешь – пропьешь.

– Как же иначе?! – по-прежнему грубо спросил Степан.

– Не пей! – строго сказал сторож.

– Не пей?! Эх ты, деревня безземельная, ду-убинушка, мужик сиволапый! А знаешь ли ты, что мне нельзя не пить?

– Почему?

– Потому... Э, да что толковать с тобою, – махнул рукой Степан. – Все равно не поймешь! Где тебе?! Почему, почему?!. Потому что душа водки требует. Иная душа морфий требует, другая – гашиш, третья – опиум, а моя – водки. Знаешь, что такое забыться? Никого и ничего не видеть, ни тебя, ни обжорки, ни кадыков, ни банабаков, ни скорпионов, – никого, никого! Не понимаешь, так?!

– Ладно, хоть и не дворянин и не ученый я, а понимаю тебя. Сам иной раз пью. А все-таки без сорочки ходить – не модель. Этак не разберешь, человек ты или свинья.

– А у тебя сорочка есть? – стал иронизировать Степан.

– Есть!

– И ты, по-твоему, человек?

– Человек.

– Врешь – свинья. Честное слово, свинья! А если не сейчас свинья, то будешь свиньей. Слышал, невежа, о переселении душ? Вот умрешь, и душа твоя обязательно в свинью переберется. Чего глаза вылупил? Не веришь?!

– Ишь что выдумал! – махнул рукой сторож. – Много вас тут в карантине ученых. И чего только не врут. Один врет про солнце, что оно в милён раз больше земли, другой врет, что белые медведи водятся, третий – что есть земля, где люди змей и самую землю едят. Ладно! Знаем вас! Все вы мастера турысы на колесах разводить! Ты бы лучше, ей-богу, сходил теперь на берег. Попросился бы к подрядчику Плюгину или к боцману. До полудня поработал бы, заработал полтинник и сходил бы на тульч (толчок) сорочку купить. А то сгниешь! Сожрут тебя штифты поганые, всю кровь высосут.

– Хочешь, я это сделаю! – вдруг оживился Степан. – Право!

– Посмотрим, – сказал сторож.

Степан больше ничего не сказал, вскочил с матраца, плотно запахнулся в свою хламиду

и бросился к дверям.

– Смотри не раздумай! – кинул ему вслед сторож.

Очутившись на площади, Степан шибко заковылял под дождем к берегу.

Как раз на берегу боцман договаривал угольщиков.

Недоставало одного человека, и боцман взял Степана.

– Я работаю только до полудня! – заявил Степан.

– Почему? – удивился боцман.

– Хочу в полдень на тульчь сходить, сорочку купить.

– Сорочку? – засмеялся боцман. – Что ж, можно. Только гляди не пропей ее...

В полдень Степан вылез из трюма черный, как трубочист, получил у боцмана полтинник и сел на первый порожний биндюг, мчавшийся в город.

Через полчаса он уже находился на тульче.

– Может быть, пиджак хороший, твинчик, сапоги, картуз?! – обступили его старьевщики.

Степан растолкал их локтями и продрался

к стоящим в ряд покрывившимся будкам. На дверях будок болтались цветные рубахи и голландки.

– Пожалуйте сюда, мунсью! – крикнула ему одна еврейка из своей будки.

Степан подошел и спросил сорочку.

Еврейка перевернула вверх дном полку и из груды сорочек выбрала ему одну – белоснежную, с высоко поднятым воротником, с широкими манжетами и со сверкающими перламутровыми пуговичками.

При виде этой сорочки глаза у Степана загорелись, и, вцепившись в нее своими черными крючковатыми пальцами, он спросил:

– Сколько?

– Шестьдесят копеек! Она ни разу не ношена. Только что от швеи.

– Пятьдесят копеек, больше нет, последние даю.

– Ну, возьмите!

Еврейка получила деньги, сложила сорочку вчетверо, завернула ее в цветную бумагу и протянула ее Степану с пожеланием:

– Носите на здоровье.

Степан сунул свою дорогую покупку под

мышку и, озираясь, точно боясь, чтобы кто-нибудь не выхватил ее, направился в порт.

– Надо раньше, – решил он дорогой, – сходить на газовую[2], попариться, а после одеть сорочку.

Решив так, Степан улыбнулся.

Он предвкушал заранее удовольствие от этой сорочки. Он чувствовал заранее ту приятную прохладу, которая охватит его, когда он оденет ее. Она плотно пристанет к его телу, сильно потертому лохмотьями и искусанному штифтами, ляжет белоснежными складками на его язвы и прилипнет любящим существом к его впалой зябнущей груди и бедрам.

– Что несешь?! – окликнул его в порту знакомый тряпичник.

– Сорочку.

– Стрельнул (стибрил) или купил?!

– Купил.

– А сколько дал?!

– Полтинник!

– Дурак! На полтинник мы с тобой знатно выпили бы. И на кой бес тебе эта сорочка?! Прошьем, что ли?

– Н-нет! – махнул рукой Степан и, отвернувшись от соблазнителя, шибко зашагал к газовой.

Вот и газовая!

Из трубки клубами вылетал пар и точно приглашал Степана очиститься.

Отложив сорочку в сторону, Степан стал поспешно раздеваться. Он скинул хламиду и поднес ее к трубке.

Пар забрался во все дыры и щели хламиды, стал жечь штифтов, и, глядя на них, Степан злорадно приговаривал:

– Так вас, приютские шельмы! Жги их! Что, штифты поганые?! Думали, коли в порту бани нет, так и суда на вас нет?! Нет расправы для вас?! Шалишь!

Степан основательно выпарил хламиду и стал парить жилетку.

Он до того ушел в свою работу, что не заметил, как тихо подкрался юркий кадык и сгреб его сорочку.

Кадык бросился тотчас же бежать.

Стук башмаков кадыка заставил Степана повернуться.

– Карраул! Грабят, лови его! – издал он

нечеловеческий вопль и почти голый бросился догонять кадыка.

Тот легко улепетывал, вилял, увертывался, перескакивал через шпалы, обегал вагоны.

Степан, однако, настигал его.

– Сорочку, сорочку, кадык, отдай, убью! – хрипел он.

Степан протянул руки и готов был уже схватить его, как вдруг что-то обожгло его голову, оглушило, и, взмахнув руками, как подстреленная птица, он растянулся лицом на рельсах.

Здоровенный парень в голландке, босой, рыжий, со злыми зелеными глазами, нагнавший Степана, выронил из рук большой окровавленный камень, перескочил через истекавшего кровью Степана, присоединился к кадыку, похитившему сорочку, и вместе с ним юркнул под эстакадой...

.....

Степан с проломленной головой очнулся в приемной больницы.

Когда дежурный врач спросил его, кто его ударил, то он поглядел на него безумными глазами, задрожал всем телом и прошептал:

– Отдай сорочку...

– У него бред, – сказал врач и распорядился отправить его в палату.

Спустя час Степан, не переставая бредить сорочкой, умер.

Примечания

Воришка. (Прим. автора.)

[^^^]

2

Место за эллингом в порту, где помещается газовый завод. Механик завода по особой трубке отводит наружу отработанный пар, и этим паром дикари убивали своих паразитов. (Прим. автора.)

[^^^]